

8. Braculle P. Zo reforme des aides au development regionale en France. In *Information geographides*, 1982.
9. Gruffe X. *Tecrifaire en France les eufoux de la desentralisation*. P., 1984.
10. Le role des etats dans le development des industies de pointe. *Problems economindes*, 1987.
11. Les aspects finoncics de la regionalisation en Europe. In *Notes et Studes documentaines*, 1997.
12. MIERNYK WH. *Regional analysis and regional policy*. Cambridge (Mass), 1982.
13. *Regional development programmes*. France, 1976-1980. Brussels, 1978.

С. А. Гвоздев

Московский международный фестиваль молодёжи 1957 г. (За кулисами официальных торжеств)

Символом перемен в отношениях СССР с внешним миром, наступивших после смерти Сталина и разоблачений «культы личности», стал VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, проходивший в Москве 28 июля – 11 августа 1957 г. Стремление представить коммунистический Советский Союз оплотом сил мира и социального прогресса, желание продемонстрировать открытость и дружелюбие, помноженные на убеждённость в преимуществах социализма и идейной стойкости советского общества, подвигли власти на неслыханной смелости шаг – приподнять “железный занавес” и допустить массовый контакт жителей столицы с иностранцами, хотя бы и в регламенте официальных мероприятий. Официальный ритуал фестиваля тогда же подробно освещался советскими информационными ведомствами. Однако самое интересное происходило не на запланированных массовых торжествах, а в свободном общении на улицах Москвы, особенно вечером и ночью. Впечатления от этой неформальной части молодёжного праздника сохранились в живой памяти участников и свидетелей, обросли слухами, а в последние годы получили отражение в разного рода воспоминаниях, из которых заметно выделяется незамутнённостью взгляда и точностью наблюдений книга известного джазиста А.С. Козлова

[1]. Рассекреченные в начале 90-х гг. партийные и государственные документы дают возможность воспроизвести закулисную историю фестиваля с большой полнотой и достоверностью. Особое место среди них занимают информационные сводки МВД СССР в ЦК КПСС (“Особая папка” Н.С.Хрущёва) о происшествиях в период подготовки и проведения фестиваля, попавших в поле зрения сил правопорядка. Содержащиеся в этих документах сведения дают представление о своеобразных проявлениях глубокого психологического сдвига, пережитого обществом, для которого ещё вчера слово “иностраник” было синонимом слова “шпион”.

Не будет преувеличением сказать, что в последние годы Сталина советские люди о жизни за рубежом ничего не знали. Да и вообще до 1957 г. в СССР никто иностранцев в глаза не видел. А вот интерес к загранице существовал всегда, и с приходом “оттепели” только усилился. Не доверяя советским “масс-медиа” с их тенденциозностью и откровенной ложью, люди всё более склонны были прибегать к альтернативным источникам информации: передачам западных радиостанций, иностранным кинофильмам, переведённым на русский язык произведениям западных писателей, появившимся в стране в результате культурного обмена журналам из-за рубежа. Новая информационная ситуация вызывала сильное беспокойство идеологических ведомств. Показательно в этой связи закрытое письмо ЦК КПСС “О распространении в СССР журнала “Америка”, утверждённое Секретариатом ЦК в августе 1956 г. Сообщая партийным инстанциям на местах, что в соответствии с достигнутыми на высшем уровне договоренностями в ближайшее время в крупных городах СССР начнёт распространяться в количестве 50 тысяч экземпляров издаваемый Госдепартаментом США на русском языке иллюстрированный ежемесячный журнал (в обмен на аналогичный советский журнал на английском языке в Соединённых Штатах), ЦК КПСС недвусмысленно разъяснял: “Распространение журнала должно всячески ограничиваться”. В качестве ограничительных мер предлагалось подписку на журнал (5 тысяч экземпляров в 40 городах Советского Союза) осуществлять не через почтовые отделения, а на предприятиях и в учреждениях через общественных распространителей печати; при организации розничной продажи остальных 45 тысяч в 80 городах ни в коем случае не продавать его в киосках, расположенных в местах большого скопления людей, а только на предпри-

ятиях, в учреждениях, театрах, на центральных улицах и лишь в ограниченных количествах. Никакой необходимости “добиваться продажи” всех номеров журнала нет, пояснили цековские идеологи: советские органы связи имеют право возвращать американской стороне до половины тиража, если его “не удастся реализовать”. Партийные органы должны были позаботиться о том, чтобы вокруг распространения журнала “Америка” не создавалась “нездоровая обстановка ажиотажа”, а также “нейтрализовать воздействие” его на “малоискушённых, неустойчивых в политическом отношении читателей” контрапропагандой и разоблачениями американского образа жизни. Все ограничения, предупреждали авторы письма, следовало осуществлять осторожно, чтобы не вызвать претензий американской стороны [2]. Сквозящий между строк этого документа испуг перед появлением в стране в общем-то пустого, хотя и очень красивого произведения американской пропаганды (на проекте письма рукой одного из секретарей ЦК начертано: “Немного со страхом”), свидетельствовал о том, какой дискомфорт испытывали партийные идеологи в новой информационной среде.

О растущем интересе к западному кино говорили выявленные в апреле 1957 г. управлением внутренних дел столицы факты несанкционированного показа в высших учебных заведениях и учреждениях Москвы запрещённых в СССР или снятых с проката зарубежных кинофильмов. К ответственности была привлечена целая группа начинающих “бизнесменов” – в основном студентов, детей высокопоставленных чиновников и военных, раздобывших узкоплёночный проекционный киноаппарат и организовавших платные просмотры приобретённых различными способами художественных фильмов и западных киножурналов, сопровождавшиеся выступлениями исполнителей “стильной” музыки. Большим успехом пользовались фильмы “Большой вальс”, “Девушка моей мечты”, “Сerenада Солнечной долины”, “Судьба солдата в Америке”, “Рим в 11 часов”, а также американские киножурналы с выступлениями выдающихся джазовых коллективов [3]. В конце 50-х гг. в СССР насчитывалось 20 млн. радиоприёмников, способных принимать западные радиостанции, причём большой размах приобрела переделка радиоприёмников: за 250 – 300 тогдашних рублей умельцы встраивали в них коротковолновый диапазон, на котором можно было принимать только западные “радиоголоса” [4]. У части общества возникла

устойчивая потребность в систематическом обращении к западным аудиоисточникам с целью получения сведений о событиях в мире и собственной стране. В сознании большинства населения, впрочем, продолжали существовать мифологизированные представления о зарубежье, определявшиеся не столько скучной информацией о Западе, сколько отношением к “родной” Советской власти и её политике. Лояльная часть общества в общем-то разделяла стереотипы пропаганды, и наоборот, среди недовольных, особенно в криминальной среде, популярной стала легенда о далёкой и враждебной советскому начальству “Америке” с её замечательным президентом “Эйзенхаузером”, который однажды начнёт войну против СССР, а потом освободит всех уголовников из тюрем [5].

Понятно, что никакие журналы, фильмы и радиопередачи не могли сравниться по степени воздействия с живым общением с иностранцами, происходившем на улицах столицы в начале августа 1957 г. “Для жителей Москвы фестиваль оказался чем-то вроде шока, настолько неожиданным оказалось всё, что они тогда увидели, узнали и почувствовали...” – вспоминает А.С. Козлов [6]. Поражали прежде всего масштабы происходившего. По данным МВД СССР, к охране порядка на фестивале было привлечено более 11200 человек личного состава московской милиции, 4 тыс. курсантов иногородних школ милиции, 8,5 тыс. солдат и офицеров войск МВД, 32 тыс. членов бригад содействия милиции, а также работники пожарной охраны и дворники – всего около 60 тыс. человек. К ним в подмогу было откомандировано 20 тыс. “комсомольских активистов”, под видом которых действовали и оперативники КГБ. Экстраординарные меры безопасности определялись большим количеством массовых мероприятий – в них в общей сложности приняли участие 8 млн. человек, при том что всё население столицы составляло тогда менее 5 млн. – а также наплывом иностранных гостей: только в районах Московской области их побывало более 32 тыс. [7].

Неожиданности начались ещё до официального открытия фестиваля, в дни прибытия его участников. Обнаружилась неадекватность поведения прибывавших иностранцев русским представлениям о приличиях, а порой и вовсе недружественные настроения, причём среди делегатов из стран народной демократии. Не мало беспокойства причиняли американские туристы, поселившиеся в гостинице “Европа”!

Обслуживающий персонал жаловался, что американцы вытирают полотенцами полы в туалетных комнатах, развешивают на люстрах и спинках кроватей выстиранные трусы, носки и носовые платки – это расценивалось как оскорбление, хотя было нормой для явившихся из США левых маргиналов. Возвращаясь в гостиницу из ресторана “Метрополь” в половине второго ночи 22 июля, американские “гости” сильно шумели, пели песни, приставали к женщинам, разбили плафон уличного освещения, а после замечания милицейского патруля “скрылись в гостинице”. В этот же день на железнодорожной станции во Львове перед отправлением поезда, в котором находились венгерские делегаты, были организованы танцы и концерт, во время которых венгры в оскорбительных выражениях (правда, на венгерском языке) отзывались о советских девушках, имея их “коровами” и того хлеще [8]. Французская туристка, проживавшая в гостинице “Центральная”, неоднократно, забравшись в душевую комнату, фотографировала двор гостиницы, где по советскому обыкновению находился неубранный строительный мусор [9]. Настороженность в отношении иностранцев приводила к тому, что подозрение вызывали самые невинные контакты. Министр внутренних дел СССР докладывал в ЦК КПСС о таком, например, происшествии, случившемся 24 июля в восемь часов утра. В лесном массиве Ленинских гор, в полутора километрах от здания МГУ, к нёсшему постовую службу старшине Домашенко подошли четверо иностранцев – трое мужчин и женщина. Как для русского человека XVII века все иностранцы были “немцами”, так для советского, прошедшего сталинскую процедуру “промывания мозгов”, все они стали “американцами”. Соответственно определил национальность незнакомцев и постовой милиционер. Женщина спросила на русском языке: “Что вы здесь делаете?” “Несу службу”, – отвечал милиционер. “А сколько вам платят?” – вновь задала вопрос любознательная дама. Старшина Домашенко поддержал честь мундира и ответил дипломатично: “Вполне достаточно”. Женщина перевела ответы стража порядка своим спутникам, после чего все четверо удалились [10].

Некоторые приехавшие в Москву иностранцы плохо представляли, куда, собственно, попали, и не предполагали, что в столице коммунистической России тоже есть жулики и проходимцы. 27 июля, в час тридцать ночи, в Останкинское отделение милиции обратился

финский делегат. У него кончилась валюта, на улице он встретил некоего гражданина и попросил достать ему советских денег. Незнакомец охотно откликнулся на просьбу попавшего в беду иностранца, взял у него пиджак и наручные часы, пообещал немедленно принести советские купюры, после чего скрылся. В тот же день около Большого театра на автобусах проезжала английская делегация. Во время остановки один из делегатов передал в окружившую автобусы толпу советских граждан свою записную книжку, чтобы они оставили в ней свои автографы (популярнейшая в дни фестиваля форма выражения взаимной приязни). Когда книжка вернулась, в ней не оказалось вложенных денег. Любопытно, что москвичи тут же “скинулись”, собрали несколько десятков рублей и вручили их пострадавшему. Забавный случай произошёл на площади возле Киевского вокзала. 27-летний “нетрезвый рабочий” подошёл к автобусу с делегатами из Туниса, и у одного из них жестами попросил авторучку. Автобус тронулся, делегат изображал желание получить ручку обратно, однако похититель “стал быстро удаляться от автобуса, но был задержан”. Авторучку милиция изъяла и затем вернула с трудом разысканному делегату [11].

Неожиданным для советской стороны оказалось поведение делегатов из “братских стран”. С самого начала много хлопот доставляли венгры демонстративно пренебрежительным отношением к советским порядкам и элементарным правилам приличия: пьянизовали, шумели, бросали окурки куда попало, “отправляли естественные надобности” прямо из окон гостиницы [12]. Это вызывало недоумение, которое чувствуется даже в официальных милицейских сводках – разве так должны вести себя друзья, которым Советский Союз только что помог задушить контрреволюцию?

Официальные организаторы фестиваля демонстрировали по отношению к зарубежным гостям исключительное радушие и гостеприимство. Инструкции ЦК ВЛКСМ предписывали “ни в какие политические дискуссии не вступать, поменьше сравнений, как можно больше дружбы и хорошего отношения...” [13]. Милиции вообще запрещалось задерживать иностранцев – их только предупреждали. Отношение москвичей к иностранным визитёрам также было очень доброжелательным. На фестивале впервые, пожалуй, проявилось стремление апеллировать к зарубежному общественному мнению в целях давления на собственную власть. В сводках МВД содержится такой факт:

шофер автобуса, обслуживавшего зарубежных делегатов, привёз к себе на квартиру 15 чехов, которые (по его просьбе) “сфотографировали его мать у печки, требующей ремонта”. Приглашённый в отделение милиции шофер заявил, что сделал это потому, что ему неоднократно обещали отремонтировать жильё, да так ничего и не выполнили. Председатель Комитета ветеранов войны А.П. Маресьев сообщал в информационную группу Подготовительного комитета фестиваля, что двести инвалидов, “именующих себя ветеранами войны”, намеревались в день открытия устроить демонстрацию на инвалидных колясках, используя пребывание в Москве иностранных делегатов и гостей [14]. Были и попытки передачи иностранцам писем и записок с критикой советских порядков. Один из таких эпизодов, попавших в сводки МВД, произошёл поздно вечером 29 июля на территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (с 1958 г. – ВДНХ). Советские граждане и бельгийцы обменивались автографами и сувенирами. Один гражданин в форме пожарника, как сообщается в сводке, передал бельгийцу “записку антисоветского содержания”. Пока изумлённый иностранец соображал, что с ней делать, находившаяся в толпе “неизвестная гражданка” выхватали записку, прочитала её и начала рвать. Милиция задержала пожарника, записку и гражданку [15].

Атмосфера фестиваля оказалась лёгкой и непринуждённой, несмотря на строгую регламентированность. Вся Москва была в эмблемах, плакатах, лозунгах, изображениях Голубя Мира Пикассо, гирляндах и иллюминации. По-всюду из громкоговорителей звучала музыка и песни, специально написанные к этому торжественному событию: “Мы за мир, клятву дают народы...”, “Если бы парни всей Земли...” [16]. В день открытия 2 млн. человек вышли на улицы, по которым двигалось “торжественное атмосфере” участников и гостей от Всесоюзной сельхозвыставки до Центрального стадиона в Лужниках. Москвичи залезали на крыши, заборы, падали с них, ломая руки и ноги; от наплыва любопытных провалилась крыша Щербаковского универмага на Колхозной площади, на углу Сретенки и Садового кольца. 15-летняя школьница выбежала на проезжую часть приветствовать участников и ушиблась головой об автобус – к счастью, без серьёзных последствий. Особо сильные чувства вызывали представители братского Китая. “Большая масса москвичей окружила машины с китайскими делега-

тами, и в течение восьми минут здесь происходили взаимные приветствия, рукопожатия и объятия” – сообщает милиционская сводка [17].

Фестиваль вызвал у советских людей желание общаться, причём не только с иностранцами, но и между собой. Погода стояла отличная, мероприятия следовали одно за другим – водный праздник, шествие международной цирковой кавалькады, концерты участников. Ночами народ собирался в центре Москвы, дискуссии возникали на каждом шагу и по любому поводу. “Я помню, – пишет А. Козлов, – как светлыми ночами на мостовой улицы Горького стояли отдельные кучки людей, в центре каждой из них несколько человек обсуждали какую-нибудь тему. Остальные, окружив их плотным кольцом, вслушивались, набираясь ума-разума, привыкая к самому этому процессу – свободному обмену мнениями” [18]. Сами зарубежные гости предпочитали общение с русскими запланированным осмотром достопримечательностей. Когда 31 июля группу голландцев и исландцев (50 человек) привезли на восьмой шлюз канала имени Москвы возле города Тушино, то они шлюз осматривать не wollели, а обратились к администрации канала с просьбой отвезти их в город и показать, как живут рабочие, поговорить с ними. Под благодушным предлогом иностранцам отказали [19]. Поначалу контакты с иностранцами пытались контролировать: по всем случаям посещения ими квартир советских граждан и русскими иностранцами в гостиницах и общежитиях милиция информировала КГБ. Однако очень скоро встречи и контакты приобрели массовый характер, и сил для слежки и контроля уже не хватало. Зарубежные визитёры группами и в одиночку посещали магазины, рестораны, заходили во дворы, в квартиры, повсеместно завязывали беседы – милиционеры докладывали, что уследить за всем этим стало невозможно [20].

Охватившая Москву эйфория, ощущение свободы и дозволенности того, что ещё вчера находилось под строжайшим запретом, побуждали людей к поступкам неосторожным и плохо мотивированным. 6 августа в Центральном парке культуры и отдыха 35-летний фельдшер Б.А. Журавлёв, разумеется, “будучи в нетрезвом состоянии”, пытался прорваться на эстраду, где выступали английские музыканты. При этом он выкрикивал, что “не хочет быть подданным Советского Союза, живётся ему плохо, и он хочет принять английское подданство”. Основания для своего желания сменить граж-

данство фельдшер пояснил в отделении милиции, куда, несмотря на гневные протесты, был доставлен: “Что это за жизнь, получаю 600 рублей, а 200 плачу за квартиру» [21]. Атмосфера всеобщей раскованности сказалась и на поведении официальных делегаций из других городов Союза, хотя их специально инструктировали, а в число их руководителей обязательно входил работник КГБ. Делегация от Ярославля была представлена оркестром народных инструментов педагогического института и танцевальным коллективом комбината “Красный Перекоп” с оркестровой группой. Оба коллектива заняли призовые места на отборочном конкурсе в столице и стали участниками фестиваля. Несмотря на строгий контроль, дело не обошлось без традиционных выпивок и попыток вломиться в номера к девушкам. Баянист напился при отъезде и учинил драку с милиционером на Ярославском вокзале, за что и был посажен на пять суток; руководитель танцевального ансамбля напился в поезде по дороге домой, потерял проездные документы, оскорблял кондукторов и начальника поезда, а по возвращении был наказан – ему не оплатили дорогу до Ярославля [22].

Самым шокирующим сюрпризом фестиваля стала “сексуальная революция”, стихийно происшедшая в Москве в эти дни. Происшедшее не было похоже на вульгарную проституцию – с ней правоохранительные органы готовы были и умели бороться. Проституток задерживали у гостиниц, арестовывали, ставили на учёт, выявляли водителей такси, “предоставлявших машины для интимных встреч” [23]. Однако вскоре сообщения милиции приобрели тревожный характер. К ночи, когда темнело, толпы девиц со всех концов Москвы пробирались к местам проживания иностранных делегаций – гостиницам и студенческим общежитиям, находившимся на окраине города. В гостиничные корпуса девушкам прорваться было невозможно, но никто не мог запретить иностранным гостям выходить за пределы гостиниц. Поэтому массовые знакомства возникали вокруг гостиниц и общежитий. Образовавшиеся парочки немедленно удалялись в темноту. Иностраниц милиция не трогала, задерживали только их подруг, но ограничивались, как правило, предупреждением. Только 5 августа у гостиниц “Ярославская” и “Золотой колос” было задержано 47 любительницочных приключений, в большинстве студенток московских вузов. Со всеми провели “разъяснительную работу” – и отпустили с ми-

ром. Всего, по данным МВД, за непристойное поведение в дни фестиваля задержали 107 женщин, из них лишь 8 были привлечены к уголовной ответственности как проститутки по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1957 г. К остальным применили меры административного и общественного воздействия – сообщали по месту работы или учёбы [24]. Настойчивые приставания к иностранцам и какое-то отчаянное распутство, никак не отвечавшие бытовавшим представлениям о высоких моральных качествах советских девушек, коробили добродорядочных граждан и вызывали соответствующую реакцию. 12 августа, в час ночи, таксист Чуваков доставил в дежурную часть Казанского вокзала двух девиц, которые ехали в его такси от ресторана “Прага” с двумя итальянцами и прямо в машине “пытались войти с ними в интимную связь” [25]. В качестве меры наказания сторонниц “свободной любви” стали стричь наголо, причём инициатива исходила отнюдь не от милиции. В информационной записке министра внутренних дел в ЦК КПСС как о чрезвычайном событии сообщается о случае, произшедшем в ночь на 8 августа. В отделение милиции станции Лосиноостровская Северной железной дороги обратилась 22-х летняя москвичка А.Я. Волкова и заявила, что 7 августа в 11 часов вечера она с подругой гуляла на территории ВСХВ с двумя иностранцами – сама заявительница с немцем из ФРГ, а подруга – с итальянцем. Чем они там занимались, неясно, но к ним подошли “несколько советских юношей”, сделали замечание, что девушки развязно себя ведут себя с иностранцами, а затем посадили в машину (иностраниц не тронули), отвезли за город Бабушкин, высадили из машины и постригли. Милиция по этому факту информировала ЦК ВЛКСМ и столичный горком комсомола, но никакого дела возбуждено не было. В итоговой сводке о работе правоохранительных органов на фестивале также приводился этот факт, причём как единственный [26]. Скорее всего, таких случаев было больше, просто жертвы деятельности комсомольских подразделений нравственно-идеологического порядка предпочитали не обращаться в милицию во избежание худших последствий. Всё это быстро обросло слухами, особо любопытные бегали по ночам к гостиницам и общежитиям наблюдать редкое зрелище. После фестиваля у жителей столицы появился пристальный интерес к любой девушке, носившей на голове плотно повязанный платок. Это наводило подозрение на отсутствие под ним волос. Прямы

следствием фестивальных дней стали и появившиеся спустя положенное время “дети фестиваля”, не похожие на родную мать ни цветом кожи, ни разрезом глаз.

Иногда установившиеся “дружественные связи” между москвичками и иностранцами становились причиной досадных недоразумений. На концерт участников фестиваля из стран Африки, состоявшийся 8 августа в театре им. Вахтангова, большинство негров явилось со своими советскими подружками, намереваясь без билетов провести их в театр. Когда девиц не пустили, 8 негров (так сообщает милиционская сводка) тоже в театр не пошли, уселись в автобус и потребовали отвезти их в гостиницу – и своего добились. Два ливанца пытались зарегистрировать брак с советскими подругами в городе Бабушкин, в чём им было отказано по чисто формальным соображениям [27].

Ещё одна черта, крайне поразившая советских людей, – страсть зарубежных визитёров ко всяческим коммерческим операциям. Особенно отличались по этой части румыны, которые сразу же развернули торговлю привезёнными с собой тряпками и обувью прямо в номерах гостиницы “Новомосковская”. Их примеру последовали венгры: один из поселившихся в общежитии МГУ на Ленинских горах венгерских делегатов привёз целый чемодан с женской обувью и пытался сбыть её обслуживающему персоналу. Разумеется, заранее проинструктированный персонал от покупки отказался, но намекнул незадачливому торговцу, что это надо сделать вне стен гостиницы. Коммерческая деятельность иностранцев сразу же приобрела такой размах, что пришлось срочно создавать “пункты скупки” в гостиницах и общежитиях, чтобы предотвратить торговлю с рук. Она, впрочем, продолжалась, причём в неё включились и отечественные спекулянты. По данным московской милиции, за спекуляцию и нарушение правил торговли был задержан 601 человек, за скупку товаров у иностранцев – 183. Привезённые с собой вещи зарубежные гости продавали с целью получения советских рублей, которые затем тратили на выпивку, посещение ресторанов, поездки на такси – таксисты, кстати, отказывались принимать иностранную валюту. Значительная часть полученных в результате торговых операций советских денежных знаков была потрачена на покупку советских товаров, которые отличались хорошим качеством, а стоили по западным меркам относительно недорого: фотоаппаратов, пылесосов, музыкальных инструментов,

“Московской” и “Столичной” водки. Румыны повезли домой советские холодильники, телевизоры и радиоприёмники [28].

Фестивальную атмосферу доброжелательности и терпимости нарушали всякого рода неприятные инциденты между самими зарубежными гостями. Англичане не скрывали “расистских настроений” в отношении филиппинцев и негров. Дело дошло до массовой драки, вспыхнувшей на теплоходе “Иосиф Сталин” во время прогулки по каналу имени Москвы. В гостинице “Восток” один из перепивших по случаю отъезда голландских делегатов в пылу спора запустил гостиничным графином в другого. Не попал, графин вылетел через открытое окно на улицу и упал на голову третьему члену голландской делегации. Пострадавший, впрочем, поспешил заявить, что вмешательства советских правоохранительных органов не требуется. К одному из корпусов той же гостиницы, в котором проживали делегаты из ФРГ, вечером 13 августа явилась группа немцев из ГДР и устроила под окнами песни и танцы. Случившиеся тут советские граждане аплодировали и даже сами приняли участие в импровизированном концерте. Однако ни один западный немец на улицу не вышел, что вызвало неодобрение собравшихся. Разочаровали хозяев швейцарские делегаты: перед отъездом они порвали и выбросили в мусорные корзины открытки с портретами Ленина, видами Москвы и Киева, на которых имелись автографы советских друзей [29].

Общение с иностранцами обнаружило одну важную черту советского менталитета: нежелание показывать плохие стороны советской действительности, дошедшее до раздражения, если гости проявляли к ним излишнее любопытство. Милиционские сводки отмечают, что при попытках зарубежных визитёров фотографировать ветхие строения, мусор, бедно одетых людей москвичи настойчиво “рекомендовали” им обратить внимание на достопримечательности и разъясняли, что плохое – это временные трудности. Когда австрийская делегация посетила колхоз “Луч” Красногорского района Московской области, один делегат сфотографировал дома под соломенными крышами, видимо, поразившие его воображение. Колхозницы, кстати, проживавшие в этих убогих хижинах, через переводчика попросили его не делать этого и повели к центральной усадьбе, где находилось более благоустроенное жильё [30].

Оценивая значение Московского фестиваля 1957 г. в исторической ретроспективе, можно сказать, что он стал для советского режима опасным экспериментом с далеко идущими последствиями. Встреча с иностранными сверстниками нанесла непоправимый ущерб культивируемому в сознании советской молодёжи пропагандистскому образу зарубежья. Наехавшие с разных концов планеты молодые люди даже внешне оказались совсем не такими, какими их воображали. Выяснилось, что социалистические друзья – отнюдь не ревностные поклонники Советского Союза, а западные визитёры – не одурманенные империалистической пропагандой простаки, готовые уверовать в коммунистические идеалы при первом знакомстве. На молодёжь столицы сильное впечатление произвела западная молодёжная мода – майки, кеды, джинсы, спортивные кепочки и стрижки “аэродром”. Но ещё более притягательным оказался стиль поведения западных сверстников – нарочитая небрежность в одежде, пренебрежение условностями, подчёркнутая независимость. В дни фестиваля советское молодое поколение остро ощутило степень собственной несвободы и выразило стремление нарушить официальные запреты. В этом смысле и московская “сексуальная революция” имела в основе протест против ханжеской советской морали. Проявлениеми протesta и несогласия стали не одобляемые властью неформальные встречи с иностранцами, беседы на московских улицах в вечернее и ночное время, обсуждение нежелательных тем. Конечно, советское общество сохраняло многие внешнеполитические стереотипы “холодной войны”, демонстрируя по отношению ко всему заграничному подозрительность, враждебность, настороженность, не желая выносить сор из избы. Однако фестиваль ускорил процесс разложения ортодоксального советского сознания, как выяснилось спустя годы – процесс необратимый.

Примечания

1. Козлов А. “Козёл на саксе” – и так всю жизнь. М., 1998.
2. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф.89, пер. 46, д.11, л.3 – 6.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9401, оп. 2, д. 490, л. 357 – 360.
4. РГАНИ, ф. 89, пер. 46, д. 14, л.2.
5. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. С. 210.
6. Козлов А. Ук. соч., с. 102.
7. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 427, 428.
8. Там же, л. 222.
9. Там же, л. 250.
10. Там же, л. 254 – 255.
11. Там же, л. 257, 261, 256.
12. Там же, л. 257.
13. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 60-е годы. М., 1999. С. 239 – 240.
14. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 258, 259.
15. Там же, л. 282, 283.
16. Козлов А. Ук. соч. с. 105.
17. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 265 – 267.
18. Козлов А. Ук. соч., с. 106.
19. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 293.
20. Там же, л. 311, 321.
21. Там же, л. 356.
22. Центр документации новейшей истории Ярославской области, ф.272, оп. 227, д. 203, л. 1,3.
23. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 259, 262.
24. Там же, л. 362, 430.
25. Там же, л. 400 – 401.
26. Там же, л. 377 – 378, 433.
27. Там же, л. 377, 378.
28. Там же, л. 258, 431, 404.
29. Там же, л. 432, 406 – 407, 374.
30. Там же, л. 315, 433.

Е. Л. Сараева

Проблема личности в работах А. И. Герцена 1842 – 1846 гг.

В учении западников 40-х годов XIX века историки выделяют идеи единства законов развития Запада и России, включенности России в контекст европейской истории, приоритетности личности, правового обеспечения свободы человека. Наибольшее внимание исследователи уделяли проблеме Запад – Россия, утверждая, что она занимала центральное место в полемике образованных людей 40-х годов XIX века. Однако в концепции общественного развития, созданной западниками, центральной является идея обеспечения свободы и прав личности. Их интерес к Западу объяснялся тем, что европей-